

DOI: 10.31857/S086904990017872-1

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EUROPEAN STUDIES

Оригинальная статья / Original Article

Контурные новых социально-политических кливажей в странах ЕС¹

© Л.С. БИССОН, Р.Н.ЛУНКИН

Биссон Любовь Сергеевна, Институт Европы Российской академии наук (Москва, Россия),
lyubov.pasyakina@gmail.com

Лункин Роман Николаевич, Институт Европы Российской академии наук (Москва, Россия),
romanlunkin@gmail.com

Авторы статьи, опираясь на концепцию политических размежеваний Липсета и Роккана, определяют контуры новых социально-политических разделений в странах ЕС, которые обострились вследствие череды кризисов. Данная динамика обусловлена двумя видами факторов: социально-экономическими и ценностными. Авторы выделяют и дают характеристику усиливающемуся разделению между центром (крупными городами, мегаполисами) и периферией (провинцией). В статье также рассмотрены процессы размывания среднего класса и формирования нового трудового класса в европейских странах, которые выходят за рамки классического противопоставления работодатели – наемные работники. Обозначается влияние данных расколов на ценностные ориентации граждан и на возникновение возможных новых политических конфликтов. Авторы приходят к выводу, что новые размежевания способны приводить к протестной мобилизации в странах Европейского союза. Яркими примерами такой динамики стали движение «желтых жилетов» и манифестации против карантинных мер во время пандемии COVID-19. Также вследствие формирования новых размежеваний изменяется электоральная структура и партийный ландшафт. Статья завершается кратким анализом влияния обострившихся социальных расслоений на дальнейшее развитие европейской интеграции. Отмечается, что в период коронакризиса у граждан возрос запрос на «Социальную Европу».

Ключевые слова: Европейский союз, политические размежевания, политический конфликт, глобализация, протесты, ценности, неравенство, безработица, пандемия COVID-19, популизм, «желтые жилеты»

Цитирование: Биссон Л.С., Лункин Р.Н. (2021) Контурные новых социально-политических кливажей в странах ЕС // Общественные науки и современность. № 6. С. 7–23. DOI: 10.31857/S086904990017872-1

¹ Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783). The article was prepared within the project “Post-Crisis World Order: Challenges and Technologies, Competition and Cooperation” supported by the grant from Ministry of science and higher education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

The Contours of New Social and Political Cleavages in the EU Countries

© L. BISSON, R. LUNKIN

Lioubov S. Bisson, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), lyubov.pasyakina@gmail.com

Roman N. Lunkin, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), romanlunkin@gmail.com.

Abstract. Using Lipset and Rokkan's concept of political cleavages as a base, the authors identify the contours of new social and political divisions in EU countries which have been exacerbated by a series of crises. New divisions are caused by two kinds of factors: socio-economic and value-based. The authors characterize the growing gap between the center (metropolis) and the periphery (province cities and towns). The article also examines the processes of erosion of the middle class and the formation of a new working class in European countries, which go beyond the classical opposition of employers and employees. The article outlines the impact of these splits on value orientations of EU citizens and the possible emergence of new political conflicts. The authors conclude that new divides can lead to protest mobilization in the European Union, a vivid example of which was the "yellow vests" movement and demonstrations against lockdown measures during the COVID-19 pandemic. Another consequence of those divisions will be a change in the electorate structure and the transformation of the party landscape. The article concludes with a brief analysis of the significance of new social cleavages for further development of European integration. It is noted that during the coronavirus crisis citizens' demand for a "Social Europe" has increased.

Keywords: European Union, political cleavages, political conflict, globalization, protests, values, social exclusion, inequality, unemployment, COVID-19 pandemic, populism, yellow vests

Citation: Bisson L., Lunkin R. (2021). The Contours of New Social and Political Cleavages in the EU Countries. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 7–23. DOI: 10.31857/S086904990017872-1 (In Russ.)

За последние 15 лет Евросоюз пережил несколько кризисов. Финансово-экономический кризис 2008 г. и миграционный 2015 г. стали серьезным испытанием внутренней солидарности наднационального объединения, а их последствия повлияли на партийно-политический ландшафт в государствах-членах, обострив проблему неравенства, бедности и безработицы в ЕС. Массовый приток ищущих убежища усилил идентичские настроения в отдельных странах.

Социально-экономические и политические кризисы последних двух десятилетий, затронув страны Евросоюза, поставили вопрос о социальном положении значительной части граждан, интересы которых правящие элиты не учитывали. Пандемия коронавируса еще сильнее обострила проблему социального неравенства и безработицы, а также многие другие угрозы, которые, казалось бы, отошли на второй план в 2020 г. (неконтролируемая иммиграция, идентичность, безопасность на фоне роста проявлений экстремизма и радикализма). Контуры социального недовольства в ЕС стали вырисовываться четче, чем в более стабильные годы. Все менее актуальными становятся традиционные политические размежевания, на смену которым приходят новые расколы, связанные с процессами глобализации и регионализации [Ford, Jennings 2020]. Новые размежевания отличаются тем, что они определяются не только по линии социально-классового деления, но часто связаны с культурными и ценностными факторами [Пантин 2019].

Отталкиваясь от концепции кливажей/размежеваний (cleavages) С.М. Липсета и С. Роккана [Липсет, Роккан 2004], можно выделить новые формы политических разме-

жеваний², которые проявились в данных опросов, в пандемийных протестах и взаимном пикировании популистов и лидеров ЕС на фоне социально-экономического кризиса. Во-первых, речь идет о конфликте между политической культурой центра (крупных городов) и периферии (провинции), который касается в основном спора о распределении ресурсов и росте социального неравенства. Во-вторых, все менее строгим становится разделение между собственниками и работодателями с одной стороны, рабочими и служащими – с другой. Чтобы определить особенности новой протестной мобилизации и возможных политических конфликтов в странах Евросоюза, необходимо выделить ключевые проблемы, на которые реагируют европейцы. В качестве индикаторов могут выступать как социально-экономические (уровень занятости и безработицы, доходы домохозяйств, доступ к базовым услугам и т.д.), так и ценностные факторы (доверие к институтам ЕС, удовлетворенность своим положением в европейском обществе, отношение к провозглашенным в ЕС в качестве базовых ценностям, к глобализации, иммиграции, гендерному равенству, интерес к «зеленой повестке»). К примеру, П. Майр отмечал, что противостояние национальных государств и брюссельской бюрократии стало новым измерением размежевания «центр-периферия» на фоне ситуации, когда оппозиция внутри ЕС как институциональной системы невозможна, а разрыв между обществом и партийным представительством увеличился. Оппозиция естественным образом возникает именно на национальном уровне, а голоса недовольных уходят популистам, так как и правый, и левый центр имеют «про-европейскую» направленность [Katz, Mair 1995].

Концепцию Липсета и Роккана неоднократно дополняли или переосмыслили в целом ряде работ, посвященных политическим расколам в западных обществах и их влиянию на партийные системы и выборы. Так, часть авторов сосредоточилась на вопросе о том, уменьшилось ли значение традиционных социальных размежеваний – особенно религиозных и классовых – в результате секуляризации и упадка традиционных отраслей [Przeworski 1985, Norris & Inglehart 2004]. В результате данных изменений сократились социальные группы, на которые изначально ориентировались религиозные партии и партии рабочего класса. Большинство исследователей согласны с тем, что классовое и религиозное голосование снижается, однако продолжают споры о том, полностью ли класс и религия утратили свою роль в качестве основания для современных политических конфликтов [Elff 2007; Evans, De Graaf 2013; Heath 2015; Knutsen 2006].

Р. Форд и У. Дженнингс утверждают, что угасание традиционных размежеваний не обязательно приведет к размыванию партийных систем. Межпартийная конкуренция может реорганизоваться вокруг новых структурных расслоений, которые появились из-за демографических и экономических изменений в западноевропейских демократиях [Ford, Jennings 2020]. К ним относятся увеличение численности выпускников вузов, массовая миграция и растущее этническое разнообразие электората, старение общества и обострение разрыва между поколениями, а также усиление географической сегрегации населения между глобализованными крупными городами и внутренними районами.

Новая социальная динамика и протестная мобилизация

В большинстве случаев неудовлетворенность жителей разных стран ЕС своим положением анализируют сквозь призму роста популизма, представители которого используют страхи населения перед иммиграцией, представителями других религий и национальностей для того, чтобы достичь своих политических целей [Окунева, Тэвдой-Бурмули 2020]. Наиболее распространено определение популизма как стратегии политической борьбы,

² Липсет и Роккан выделяют четыре основных вида размежеваний: центр – периферия, государство – церковь, город – деревня, собственники – рабочие.

образа действия, основанного на противопоставлении «элиты» «народу», а «народа» и его культуры – «другим», «чужим» [Осколков 2019]. В концепции популизма также объединены все неудобные социально-политические феномены, которые западные демократии не могут объяснить [Фишман 2021].

Помимо риторики и стратегий популистских партий, исследователи также обращают внимание на причины мобилизации и мотивация граждан, голосующих за такие партии. Недовольство граждан, в частности, рассматривается прежде всего как иррациональный порыв, нежели как нечто с твердой почвой и мировоззренческим фундаментом. В рамках культурной теории Р. Инглхарт и П. Норрис объясняют рост возмущения в обществе естественной реакцией консервативных кругов на быстро меняющийся постмодернистский мир. Причем консерваторам старшего возраста противостоят миллениалы с либеральными постматериалистическими ценностями [Inglehart, Norris 2019]. Ряд исследований доказывают прямую взаимосвязь поддержки популистских партий с социально-экономической ситуацией и диспропорциями в обществе. Финансовый кризис 2008 г. и его последствия привели к усилению поддержки популистских партий в ряде стран-членов ЕС (Венгрии, Греции, Польше, Италии, Австрии и Франции). Радикализация взглядов населения может происходить на фоне усугубления безработицы, недостаточного доступа к образованию и здравоохранению, необеспеченности достойным жильем различных социальных категорий.

В 2019 г. в странах ЕС более 21% населения (92,4 млн человек) находились на грани бедности и социальной изоляции. Самая неблагоприятная ситуация сложилась в семи государствах-членах: Болгарии (32,5%), Румынии (31,2%), Греции (30,0%), Италии и Латвии (27,3%), Литве (26,3%) и Испании (25,3%). Чаще риску бедности подвергаются безработные, экономически неактивные граждане и одинокие родители. По различным оценкам, до 10% работающего населения в Евросоюзе, чьи заработки не превышают 60% от медианного национального дохода³, подвержены риску бедности. На риски бедности или социальной изоляции также влияет степени урбанизации. Более 22% населения ЕС-27, проживающего в сельской местности, были им подвержены в 2019 г. Самые высокие риски в городах были зафиксированы в Италии (29,1%; данные 2018 г.), Бельгии (28,5%) и Греции (27,3%), а самые низкие – в Чехии (11,8%) и Словакии (10,9%)⁴.

Исследование, опубликованное в Международном журнале сравнительной социологии, установило, что отсутствие политики, направленной на создание рабочих мест и обучение граждан в возрасте от 15 до 34 лет, увеличивает вероятность поддержки партий популистского толка. В странах с большей долей населения на грани бедности и социальной изоляции, а также высоким уровнем безработицы поддержка популизма – особенно левого толка – как правило выше [Bene 2020].

Также недовольство возникает из-за недостатка демократической легитимности Евросоюза на фоне расширения его компетенций и вмешательства в повседневную жизнь людей [Прохоренко 2021]. Как отмечает Н.Ю. Кавешников, дисфункции ЕС особенно заметны на фоне общего кризиса неолиберальной глобалистской идеологии, что усиливает спрос на популистские и правоконсервативные политические проекты. В то же время выборы 2019 г. в Европарламент показали предел влияния этих сил [Кавешников 2020].

Рост поддержки популистских партий и протестных настроений в странах ЕС вследствие кризисов отражает изменение традиционной социальной структуры западных обществ, свидетельствует о размывании среднего класса и появлении новых социальных размежеваний. Довольно широкие слои населения проиграли от глобализации –

³ Eurofound (2017). In-work poverty in the EU. Publications Office of the European Union, Luxembourg.

⁴ Eurostat (2020). Living conditions in Europe - poverty and social exclusion, October 2020. (https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Living_conditions_in_Europe_-_poverty_and_social_exclusion#Key_findings).

прежде всего рабочий класс и нижний средний класс, доходы которых в большинстве западных стран не росли или уменьшались [Миланович 2017]. Разделение проходит в том числе по линии адаптированности или неадаптированности к глобальным переменам, по линии «новой буржуазии» и размывающегося среднего класса. Социальное расслоение особенно ярко проявляется в различиях положения жителей мегаполисов и малых городов (данный феномен сам по себе носит глобальный характер). Таким образом, традиционное историческое разделение «город-село», описанное Липсетом и Рокканом в 1960-е гг., по-прежнему актуально, но приобретает новую форму и основания: «крупные города – пригороды/периферия». По данным опросов Европейского социального исследования (European Social Survey, ESS), по сравнению с жителями крупных городов респонденты, проживающие в пригородах, мелких городах и сельской местности, чаще придерживаются консервативных взглядов, недовольны функционированием демократии в своей стране и меньше доверяют политической системе. Одновременно они более политически активны, значительно чаще участвуя в выборах всех уровней. Социальная география совокупности малых и средних городов в будущем может серьезно повлиять на политические процессы и развитие демократии в западных обществах. Некоторые ученые считают избрание президентом США Д. Трампа и брекзит примерами культурной разобщенности крупных городов и периферии [Scala, Johnson 2017; Jennings, Stoker 2016].

Исследование новых линий политических размежеваний в 30 европейских странах свидетельствует о довольно резких различиях в отношении к миграции и глобализации между крупными городами и провинцией. Однако различия между ними по вопросам, которые традиционно лежат в основе раскола между левыми и правыми (перераспределение всеобщего благосостояния в государстве и др.), наблюдаются не столь явно [Кенну, Лиса 2021]. Примечательно, что после финансово-экономического кризиса в европейских странах не произошло систематическое возрождение экономических конфликтов в структуре партийной конкуренции [Kriesi, Maag 2016]. Напротив – там, где до кризиса в партийной борьбе доминировали культурные вопросы, в кризисный период они стали еще важнее. Например, в странах ЦВЕ, где вопросы политические (связанные с коррупцией) и культурные (связанные с этнической принадлежностью и национализмом) были наиболее политизированными до кризиса, после него стали играть еще большую роль.

Одним из проявлений эволюции социально-политических размежеваний стало французское движение «желтых жилетов», которое так и не оформилось в значимую политическую силу из-за неоднородности состава протестующих. Так, люди различных профессий (мелкие и средние предприниматели, рабочие, фермеры) и взглядов («Республиканцы» и социалисты, избиратели Национального объединения и Непокоренной Франции) вышли на улицы с требованием отменить топливный налог, который сильно ударил бы по бюджету средних домохозяйств. После частичных уступок правительства «желтые жилеты» начали выступать с более широкими требованиями – не только социальными, но и политическими [Биссон 2019]. В то же время попытки оформить данные запросы в единую программу в преддверии общеевропейских выборов не дали результата, а, напротив, раздробили движение. Таким образом, из-за своей мозаичности «желтые жилеты» не смогли продолжать объединение, а за мобилизацией последовал процесс фрагментации политических требований.

Тем не менее, тот протестный потенциал, который вывел французов на улицы осенью и зимой 2019-2020 гг., проявил себя уже летом и осенью 2021 г., когда новые манифестации охватили Францию из-за ограничительных мер в связи с пандемией. Протесты начались после того, как правительство предложило ввести так называемый «санитарный пропуск» (passe sanitaire) на посещение общественных мест в качестве меры по борьбе с коронавирусом. Речь идет о введении запрета на посещение учреждений культуры и спортивных комплексов без сертификата о прививке, отрицательном тесте на COVID-19

или иммунитете. Закон, помимо прочего, предусматривает право отстранять от работы непривитых сотрудников и ограничивать доступ пациентов без COVID-сертификатов к неэкстренной медицинской помощи. Более 200 тыс. человек каждую субботу выходили на улицы французских городов (субботние демонстрации были анонсированы в более чем 150 городах Франции) с требованием отменить данные меры. Призывы принять участие в манифестациях исходили как от представителей правых, так и левых партий из числа оппозиционных к правящей партии президента Э. Макрона. Не исключено, что протестные настроения, связанные с пандемией, повлияют на предстоящие президентские и парламентские выборы во Франции весной 2022 г., поколебав положение действующего главы государства и его партии – по крайней мере в первом туре. Манифестации против пропускного режима для посещения кафе, ресторанов, торговых и спортивных центров, поездов дальнего следования и других общественных мест проходят также в крупных городах Италии, Греции и других европейских стран⁵. Фактором протестной мобилизации в данном случае выступает прежде всего недоверие к политическим институтам (глава государства, правительство, парламент), которые вводят меры по борьбе с пандемией, имеющие прямые негативные социально-экономические последствия для широких слоев населения.

Как отмечают исследователи, традиционные партии «держатся» за средний класс, исходя из того, что социальная структура неизменна. Новой стратегии, ориентированной на людей с периферии, у них нет. Именно поэтому социальную базу популистов зачастую составляет низший средний класс – рабочие, фермеры, безработные [*Пархалина, Андреева и др.* 2018]. Политическое представительство интересов данных кругов общества стало одной из основных проблем в ЕС, которая не осознана до конца по сей день. Партийно-политические кризисы в странах Евросоюза свидетельствуют о том, что в период с середины 2010-х гг. ни этаблированные (традиционно устоявшиеся), ни оппозиционные партии крайне правого или левого толка, ни даже новые антиэлитарные партии не смогли аккумулировать общественные запросы, которые проявились вследствие череды кризисов [*Ivaldi* 2018]. Примечательно, что сам кризис, связанный с пандемией коронавируса, существенно не повлиял на рост рейтингов популистских партий в странах ЕС. Авторы исследования, проведенного в восьми странах (Великобритания, Франция, Италия, Испания, Германия, Венгрия, Чехия, Польша) отмечают, что в отличие от предыдущего масштабного кризиса (миграционный кризис 2015–2016 гг.), популистским партиям не удалось политизировать причины пандемии [*Bobba, Hubé* 2021]. Тем не менее ответные меры на пандемию и ее среднесрочные последствия для социальной, экономической жизни и системы здравоохранения могут стать катализатором новой волны социального недовольства, в результате чего популярность антиэлитистских партий вновь возрастет.

Социальное недовольство в Евросоюзе: новые классовые и ценностные размежевания

Как отмечает французский политический географ и социолог К. Гиллюи, исчезновение традиционного среднего класса в западных обществах – медленный и многофакторный процесс, который принимает различные формы в зависимости от национального контекста, но в основном приводит к ослаблению тех категорий, которые раньше представляли собой основу культурно-интегрированного среднего класса, оставшегося в течение двадцати последних лет как бы в тени политической борьбы [*Guilluy* 2020a, 2020b]. Тем не менее именно представители «забытого» среднего класса в последние годы стали ак-

⁵ Coronavirus: Thousands protest against restrictions across Europe. 24.07.2021. Deutsche Welle. (<https://www.dw.com/en/coronavirus-thousands-protest-against-restrictions-across-europe/a-58627841>).

тивнее участвовать в политической жизни. Их голос – не только посредством выборов, но и благодаря различным манифестациям – все чаще раздается в странах Евросоюза. Повсеместно фермеры, мелкие государственные служащие и самозанятые голосуют за оппозиционные действующей власти партии по обе стороны политического спектра. С 2020 г. данные категории граждан выражают свои социальные требования и через антиковидный протест.

В качестве слоя общества, интересы которого не полностью представлены во властных институтах, чаще всего называют те или иные модификации рабочего класса или нового трудового класса как в широком (все наемные работники), так и в более узком понимании (люди физического труда). Численность рабочего класса как людей, занятых в промышленном производстве, неуклонно снижалась в Европе на протяжении XX в. Несмотря на деиндустриализацию, данный класс по-прежнему представляет значительную часть общества, а возврат части производств на европейскую почву, к примеру, из Китая, в перспективе может увеличить его численность.

Также существуют разные трактовки того, кого в современном постиндустриальном обществе можно назвать обездоленным классом – аналогом пролетариата. В него включают людей без образования и без работы (NEET⁶) или же всех малоимущих объединяют в один «андеркласс», поскольку рабочие уже не угнетенный класс, как было в то время, когда свои работы писал К. Маркс. Большое значение на изменение представлений о социальной структуре постиндустриального и цифрового общества оказало обсуждение в 2010-е гг. концепции прекариата – нового класса (протокласса) людей с временной и неустойчивой занятостью [Тощенко 2019]. В категорию прекариев могут входить и люди из креативного класса, но в основном прекарная занятость сопряжена с неудовлетворенностью своей жизнью, условиями труда и самой временной профессией, а также с нерегулярным заработком [Стэндинг 2014]. Один из авторов концепции прекариата Г. Стэндинг даже выявил часть этого класса, которая, по его мнению, голосует за популистов в США и странах ЕС. Данную группу он назвал «атавистами», поскольку они оглядываются на прошлое [Standing 2019]. Прекариат в странах ЕС, в отличие, например, от России, не представляет собой более или менее массовую группу граждан, которая страдает от нестабильности и небольшого размера нерегулярных заработков, неучтенных и невидимых в структуре занятости. В Евросоюзе прекариат формально определяют по наличию работы по краткосрочному контракту. Соответственно, он может пересекаться и с рабочим, и со средним классом. В данном смысле это своего рода кросс-класс, и их можно выявить целый ряд в современном обществе – например, креативный класс. Важно отметить, что прекариат, который в какой-то степени численно возрос в связи с переходом многих компаний на аутсорсинг и удаленную работу во время пандемии, также может подпитывать социальное недовольство европейского общества.

Существует две основные концепции понимания рабочего класса. Классовая схема Дж. Голдторпа основана на отношениях найма и формы занятости. Под определение рабочего класса попадают все работающие по трудовому контракту только за зарплату – квалифицированные и неквалифицированные рабочие, малообразованные технические работники, руководители низшего звена. Классификация Э. Райта исходит из категорий собственности и эксплуатации наемного труда, то есть в эксплуатируемый рабочий класс, отстраненный от внеэкономических и экономических измерений влияния, входят рабочие, полуавтономные работники и менеджеры низшего звена, которых также относят к эксплуатируемым. Ядро рабочего класса в обеих схемах составляют малоквалифицированные рабочие. В начале 2000-х гг. Европейское социальное исследование отмечало, что в 1980-х гг. к рабочему классу принадлежала одна пятая мужского населения Европы,

⁶ Not in Education, Employment or Training.

но к началу 1990-х гг. численность класса уменьшилась. Исходя из концепции Голдторпа, 37,4% населения 21 страны Европы (исключая Францию), где исследование проводили в 2002 г., принадлежат к рабочему классу. Однако по концепции Райта к рабочему классу относилось 40,9% населения [Leiulfstrud et al. 2005].

Авторы не будут вдаваться в дискуссии об определениях «андеркласса» и рабочего класса. В целях настоящего исследования авторы остановятся на двух категориях, которые используют в «Евробарометре» и «Евростате» – рабочий класс (working class) и нижний средний класс (lower middle class). По мнению ряда ученых⁷, занятый в промышленности рабочий класс в постиндустриальном обществе представляет собой часть более широкого по составу трудового класса, который включает в себя управленцев, офисных работников, малый и средний бизнес и т.д. Таким образом, новый (по широкому определению) трудовой класс, если использовать классификацию Евробарометра и Европейского социального исследования, в основном и состоит из рабочего класса и нижней части среднего класса.

Всего к рабочему и нижнему среднему классу в ЕС-27 себя относит 40% граждан (субъективный рабочий класс)⁸. Большая часть из них (50% и более) проживает в Болгарии, Греции, Испании, Венгрии, Польше, Португалии. Обсуждать будущее Европы данные классы предпочли бы со своей семьей и гражданами других стран ЕС, а не с партиями и политиками. Вопросы безработицы, социальной защиты и миграции все классы хотят решать одновременно на европейском и национальном уровнях⁹, что представляет собой единый общественный запрос для выработки политики ЕС. Рабочий и нижний средний класс менее всего ассоциирует себя с Европейским союзом и даже с Европой, предпочитая национальный уровень¹⁰.

Согласно Евробарометру, рабочий класс чаще других категорий (высший и высший средний класс) замечает недостаток социальных прав (76%). Данную категорию больше заботят условия труда, доступ к рынку труда и к качественной медицине. Климатическая повестка интересует рабочий класс меньше (19% против 29% у высшего класса), гендерное равенство беспокоит их еще слабее (10% по сравнению с 19% у высшего класса)¹¹.

Именно представители рабочего и нижнего среднего классов стали хуже всего жить во время пандемии (18 и 20% против 9 и 12% у высшего среднего и высшего классов, которые стали жить лучше, чем остальные). Соответственно, почти половина нового трудового класса не верит Евросоюзу (49% у рабочего класса и нижнего среднего против 28% у высшего класса), не понимает, как он работает и считает ситуацию в национальной экономике плохой (более 70%), а в европейской экономике не лучше (более 60%). Достаточно большой разрыв наблюдается в оценке ситуации с занятостью: 80% рабочего класса (и 75% нижнего среднего класса) оценивают ее как плохую, но среди высшего класса таких 44%¹². Ситуация с доверием по отношению к ЕС по сути не изменилась с 2017 г.

⁷ Wright E. (1980). Varieties of Marxist Conceptions of Class Structure. Politics & Society. POLIT SOC. 9. 323–370. DOI: 10.1177/003232928000900303.

⁸ В 2005 г. 41% респондентов в США и 44% в Британии ответили, что принадлежат к рабочим, в Германии таких было 26%, что совпало с численностью номинального рабочего класса, тогда как в Британии и США объективного рабочего класса оказалось меньше (Жвиташвили А. Ш. Рабочий класс в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 34–41).

⁹ Future of Europe, Fieldwork Date, October 2020 - November 2020. March 2021 (<https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2256>).

¹⁰ Standard Eurobarometer 82 Autumn 2014 EUROPEAN CITIZENSHIP REPORT. Fieldwork: November 2014. (<https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2041>).

¹¹ Special Eurobarometer 509. November - December 2020. March 2021 (<https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2266>).

¹² Standard Eurobarometer 94 - Winter 2020-2021. Public Opinion in the European Union (<https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2355>).

Идея глобализации как возможности для экономического роста не вызывает симпатий у четверти рабочих; среди них и нижнего среднего класса многие не определились с ответом (13 и 8%). Менее половины рабочих и в 2017 г. полагали, что глобализация позитивна – тогда был задан и вопрос об отношении к глобализации, который разделил рабочий класс и нижний средний класс на равные части (30-40% за и столько же против). Также категории разделились поровну при ответе на вопросы о том, можно ли назвать глобализацию угрозой или же возможностью (более 70% в высших классах глобализацию однозначно поддержали). Неоднозначно мнение и о том, защищает ли ЕС от негативных эффектов глобализации: 57% высших классов уверены, что защищает, 17 и 10% рабочих и нижнего среднего класса не знают, а 41 и 47% не согласны с данным утверждением¹³. Общая европейская политика по миграции не нравится почти четверти рабочих и нижнего среднего класса (10% рабочего класса отказались отвечать или не знают). Однако 67% рабочих поддерживают ее (против 80% в высших классах). Система предоставления убежища в ЕС вызывает смешанные чувства у всех классов, среди которых четверть опрошенных выступает против такой политики¹⁴.

Согласно опросам Евробарометра, именно представители трудового класса больше всего недовольны бесконтрольной иммиграцией и вторжением зарубежной рабочей силы. Они не доверяют глобализации, институтам ЕС, а больше всего не верят партиям. Однако в отношении целого ряда либеральных ценностей (норм политкорректности) трудовой класс расколот почти поровну. Он настроен вполне оптимистично в отношении единства Европы и уже достигнутых преимуществ общего рынка, услуг, отсутствия границ – несмотря на свои сомнения в структурах ЕС. Социальное недовольство и его база, таким образом, размывается по мере расширения проблематики.

Проведенное в 2010-е гг. исследование об участии представителей разных социальных классов в демонстрациях и других публичных акциях в странах ЕС достаточно ясно показало мировоззренческий раскол. Рабочий класс меньше всего интересуют проблемы климата, гендерного равенства и права меньшинств. Данная часть общества наиболее активно принимает участие в манифестациях по вопросам безработицы, оплаты труда, защиты демократии в целом. Больше всего ценностей либеральной демократии придерживаются представители высшего среднего класса, который поддерживает «зеленую экономику», защиту прав различных меньшинств, открытость иммиграционной политики. Согласно анализу мнений участников разных акций в соответствии с их профессиональной принадлежностью, те же вопросы менее всего волнуют рабочих на производстве и технических служащих, а больше всего – менеджеров среднего звена и студентов, людей творческих специальностей [Hylmö, Wennerhag 2012].

Социальное недовольство в ЕС концентрируется в наибольшей степени в среде рабочего и нижнего среднего класса, которые в одинаковой степени не удовлетворены последствиями глобализации, иммиграции, в меньшей степени привержены неолиберальным ценностям, больше всего озабочены социальным неравенством и безработицей.

Запрос на «Социальную Европу»

Коронакризис не создал, а скорее ускорил и усилил социально-экономические тенденции, которые наблюдались еще с интенсификации интеграционных процессов в странах Западной Европы полвека назад. Интеграция рынков в 1960-е гг. и мировой кризис конца 1970-х гг. привели к резкому росту безработицы, а также к закрытию не только мелких

¹³ Designing Europe's future Fieldwork April 2017 - April 2017 (<https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2173>).

¹⁴ Standard Eurobarometer 94. Winter 2020 – 2021., Europeans' opinions about the European Union's priorities. Report Fieldwork: February-March 2021.

и средних, но и крупных предприятий в странах ЕЭС. Социально-экономическая дестабилизация тех лет поставила перед национальными правительствами и наднациональными органами задачу возобновить экономический рост и добиться социальной стабильности [Борко 1975, 1986]. Последствия мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., который обернулся кризисом суверенного долга для ЕС и серьезным испытанием для экономического и валютного союза (ЭВС), потребовали структурных реформ, довольно жестких с точки зрения социального измерения. Сокращение социальных расходов, пенсионные реформы, повышение ряда налогов одновременно с резким ростом безработицы, особенно среди молодежи, вызвали в 2010-е гг. не только волну общественных протестов, но и привели к росту евроскептических настроений, которые усилил кризис беженцев 2015 г. и выход Великобритании из ЕС.

Продолжающаяся пандемия COVID-19 также значительно влияет на все аспекты жизни в странах ЕС – от здоровья населения, экономической и социальной стабильности до состояния окружающей среды. Последствия пандемии еще не до конца очевидны, но краткосрочные данные, собранные Евростатом и опубликованные в Европейской статистической панели восстановления¹⁵, в какой-то степени указывают на то, как пандемия и меры борьбы с ней воздействуют на ЕС. Коронакризис выявил существующее неравенство практически во всех странах-членах Евросоюза. Технологические инновации и финансовая глобализация, в частности, привели к неравенству внутри стран, при котором более успешными оказываются люди с определенными навыками или накопленным богатством. Данная динамика лишь усиливается с кризисами [Bubbico and Freytag 2018]. Пандемия коронавируса ухудшила социально-экономическое положение домохозяйств с низким уровнем дохода. Потеря заработка, проблемы потребления (например, рост цен и расходов на здравоохранение) и перебои в предоставлении услуг могут непропорционально сильно повлиять на домохозяйства с низким уровнем дохода и иметь ряд долгосрочных последствий – например, для возможностей человека делать сбережения, следить за здоровьем или вкладывать в образование детей¹⁶. Данные факторы усугубляют неравенство в долгосрочной перспективе. В целом можно сказать, что от последствий карантинных мер пострадали самые различные и многочисленные категории граждан стран Евросоюза (новый трудовой класс). Положение сельских районов, которые более подвержены высокому риску бедности из-за оттока населения и ограниченного доступа к услугам, инфраструктуре, рынкам труда и возможностям получения образования, также усугубилось во время пандемии.

Кризис COVID-19 создал чрезвычайную необходимость для правительств защищать рабочие места и доходы населения, например, с помощью схем кратковременной работы. Однако степень мер поддержки сильно отличаются по странам-членам ЕС из-за существующих диспропорций. Некоторые государства могут помогать населению и бизнесу только благодаря финансовому участию и бюджетным средствам Евросоюза. В качестве мер поддержки стран-членов Еврокомиссия, например, смягчила правила государственной помощи предприятиям и трудящимся. Также в связи с кризисом Евросоюз перераспределит 37 млрд евро в рамках политики сплочения и приостановит действие Пакта стабильности, чтобы государства-члены могли отступать от бюджетных правил в условиях пандемии [Кондратьева 2020]. Для снижения рисков безработицы в чрезвычайных ситуациях был введен Европейский инструмент SURE¹⁷, который позволяет предоставлять кредиты в целях финансирования схем кратковременной работы и аналогичных мер, в частности,

¹⁵ Eurostat. European Statistical Recovery Dashboard. (<https://ec.europa.eu/eurostat/cache/recovery-dash-board>).

¹⁶ European Commission (2020) *Employment and Social Developments in Europe 2020. Leaving no one behind and striving for more: Fairness and solidarity in the European social market economy*. (<https://ec.europa.eu/social/Bl obServlet?docId=23033&langId=en>).

¹⁷ Council Regulation (EU). 2020/672. 19 May 2020.

для самозанятых. К концу 2020 г. в рамках данного инструмента утвердили финансовую поддержку на общую сумму 90,3 млрд евро в 18 государствах-членах.

Примечательно, что в период коронакризиса возросло доверие граждан ЕС к наднациональным институтам. Европейское население больше верит совместной организации, инструментарию и координации солидарности ЕС, чем разовой, индивидуальной и двусторонней поддержке на уровне стран. В 2020 г. на вопрос «В какой Европе Вы хотели бы жить?», 37% респондентов ответили, что предпочли бы жить в Европе, которая защищает европейский образ жизни и благосостояние от внутренних и внешних угроз. На втором месте по привлекательности оказалась «глобальная Европа», которая лидирует в вопросах климата, прав человека и глобального мира. Далеко позади остался образ ЕС как проекта экономической интеграции, рыночной конкуренции и фискальной дисциплины (15%) [Cicchi et al. 2020].

Однако общее одобрение деятельности Евросоюза не станет прочным основанием для социальной стабильности в нем. Желая сохранить те преимущества, которые уже достигнуты, граждане, как и сам ЕС, скорее находятся в поиске идеи обновленной Европы. Как отмечает О.В. Буторина, после создания ЭВС в Европейском союзе возник идеологический вакуум [Буторина 2012]. Экономическая интеграция сама по себе уже не представляет для граждан Евросоюза весомую значимую цель. Взаимосвязь интеграции рынков и роста благосостояния для новых поколений граждан ЕС уже не столь очевидна. Идеи неолиберализма все чаще критикуют не только левые, но и крайне правые партии как внутри стран-членов, так и в Европарламенте.

Еврокомиссия под руководством У. фон дер Ляйен решила восполнить идейный вакуум, предложив новую стратегическую цель дальнейшего развития Евросоюза по пути «двойного» перехода к цифровой и зеленой экономике. Однако на фоне усугубления социально-экономических проблем – особенно в условиях пандемии COVID-19 – данная цель пока не способна сплотить население стран-членов и убедить профсоюзы и представителей бизнеса платить за такой переход рабочими местами или дополнительными вложениями. Кроме того, подобная трансформация может негативно сказаться на положении домохозяйств и наиболее уязвимых слоев общества. Так, предложение Европейской комиссии в рамках пакета «Fit for 55»¹⁸ включает в себя создание новой схемы торговли квотами на выбросы углерода для автомобильного транспорта и зданий.¹⁹ Арендаторы, пассажиры, владельцы малого бизнеса и потребители столкнутся с ростом расходов на энергию и транспорт без реальной возможности перейти на альтернативные источники энергии в краткосрочной перспективе.

Коронакризис корректирует курс на зеленую и цифровую экономику. Первоочередной целью Евросоюза становится обеспечение социальной и экономической стабильности. Сгладить возможные негативные последствия не только экономического кризиса и зеленого перехода, но и дополнить *raison d'être* ЕС в глазах граждан может социальная политика и сфера здравоохранения. Именно по такому пути сейчас идет Еврокомиссия под руководством У. фон дер Ляйен. По данным опросов, двумя главными причинами для беспокойства европейцы считают проблемы здравоохранения и ухудшение экономической ситуации.²⁰ Одновременно 9 из 10 респондентов отмечают, что для них важна социальная Европа.²¹ 74% респондентов полагают, что на наднациональном уровне надо

¹⁸ Пакет из 13 законодательных предложений по реализации климатической стратегии Европейского союза «Зеленый курс».

¹⁹ Critics warn carbon price proposal would exacerbate energy poverty. EURACTIV. (<https://www.euractiv.com/section/economy-jobs/news/critics-warn-carbon-price-proposal-would-exacerbate-energy-poverty>).

²⁰ Special Eurobarometer 509 on social issues, March 2021

²¹ Eurobarometer (2021). Special Eurobarometer 509: Social issues: https://data.europa.eu/euodp/da/data/dataset/S2266_94_2_509_ENG

предпринимать больше действий, чтобы обеспечить достойные условия труда, соблюдение прав и борьбу с бедностью. Возрождение «Социальной Европы» связано не только с рядом объективных социально-экономических причин – рост безработицы, уровень бедности и т.п. – но и политически обусловлено желанием снизить роль евроскептицизма и сократить возможную базу для поддержки популистских партий.

Для большинства европейцев пандемия стала поводом заявить о своих социальных правах, интересах, нуждах. Пока остается открытым вопрос о том, насколько их интересы отразят программы партий и ЕС.

* * *

Пандемия коронавируса сама по себе привнесла мало что нового в мировоззренческом плане, но она заставила как ученых, так и политиков по-новому оценить предыдущие кризисы. Однако разделения, которые возникли в западном мире в последнее десятилетие, стали очевидным фактом. Их игнорирование может привести к более глубокому кризису – в том числе и ЕС как объединения. На политические процессы в странах Евросоюза влияют новые формы социальных размежеваний между политической культурой центра (крупных городов) и периферии (провинций), а также между представителями рабочего и низшего среднего классов с одной стороны и высшим средним классом – с другой. Социальное недовольство и протестная мобилизация, вызванные социально-экономическими причинами и ценностными факторами, требуют не только адекватных мер от действующих правительств, но и обновления программных положений политических партий о будущем посткризисной Европы. Если идейные и социальные требования недовольных положением дел в ЕС – расширение социальных прав, повышение занятости и уровня жизни, ограничение миграции – не будут учтены, классовый и ценностный раскол в самом Союзе лишь усугубится, а недоверие к институтам ЕС усилится. В таком случае противоречие между единым Евросоюзом и суверенитетом национальных государств будет только расти. Социальное недовольство 2020-х гг. и углубление неравенства в обществе уже сейчас приводят к политическим изменениям. Традиционализм рабочего и части среднего класса стал не только естественной реакцией на глобализацию, но и платформой для выражения экономических интересов (прежде всего протекционизма в разных сферах, недовольства по отношению к единой валюте или политике иммиграции). Новые размежевания меняют состав электората не только традиционных умеренных партий, но и партий крайнего толка, а также популистов. Согласно классической теории кливажей/размежеваний Липсета и Роккана, в долгосрочной перспективе данная динамика может привести к институционализации протеста и появлению новых партий. Если учитывать фрагментацию требований и ценностных предпочтений, а также размывание границ политических расхождений между различными категориями, более вероятным представляется сценарий адаптации существующих партий к новым размежеваниям. В дальнейшем они будут учитывать такие расколы в своих предвыборных платформах.

Стратой, которая будет менять социально-политическую жизнь, будет новый трудовой класс. Его составят представители традиционного рабочего и нижнего среднего классов, интересы которых в партийно-политических программах учтены в наименьшей степени. Соответственно, исходя из интересов нового трудового класса, постепенно политикам придется менять свое мировоззрение в сторону большего внимания к социальным вопросам и к внутренним национальным проблемам в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Биссон Л. (2019) «Движение «желтых жилетов»: значение для Франции» // Аналитические записки ИЕ РАН. №10 (№161). (<https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2019/an161.pdf>).
- Борко Ю.А. (1975) Западная Европа: социальные последствия капиталистической интеграции. М.: Наука. 302 с.
- Борко Ю.А. (1984) Экономическая интеграция и социальное развитие в условиях капитализма. М.: Наука. 256 с.
- Буторина О.В. (2012) Причины и последствия кризиса в зоне евро // Вопросы экономики. №12. С. 98–115.
- Кавешников Н. Ю. (2020) Интеграция и дезинтеграция в Европейском союзе: сценарии развития. Кризис и пост-кризис: люди, институты, практики. Сборник статей Междисциплинарной научной онлайн-конференции, Тюмень, 19–22 июня 2020 года. Тюмень: Тюменский государственный университет. С. 40–46.
- Кондратьева Н.Б. (2020) Единый внутренний рынок: реакция на COVID-19 // Европейский союз: факты и комментарии. №100. С.35–37.
- Липсет С., Роккан С. (2004) Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. №4. С. 204–234.
- Лункин Р., Филатов С. (2019) Борьба «за» и «против» идентичности во внутриполитических процессах // Мировая экономика и международные отношения. Т. 63, № 9. С. 50–60. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-50-60>.
- Миланович Б. (2017) Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации. Пер. с англ. Д. Шестакова. М.: Изд-во Института Гайдара. 336 с.
- Осколков П.В. (2019) Правый популизм в Европейском союзе. М.: Ин-т Европы РАН. 164 с.
- Пантин В.И. (2019) Политические размежевания и расколы в современных обществах // Южно-Российский журнал социальных наук. Т. 20. № 3. С. 28–40.
- Пархалина Т.Г., Андреева Т.Н. и др. (2018). Политические партии перед новыми вызовами: опыт Западной Европы и России: методический семинар центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН // Актуальные проблемы Европы. №4. С. 235–268.
- Н.К. Капитонова, И.Э. Магадеев, В.О. Печатнов и др. (2020) Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности. Под редакцией Л.С. Окуневой, А.И. Тэвдой-Бурмули. М.: МГИМО-Университет. 404 с.
- Прохоренко И.Л. (2021) Феномен левого популизма в Испании // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. Т. 13. № 2. С.62–86. DOI: <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-2-62-86>.
- Стэндинг Г. (2014) Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Тощенко Ж. Т. (2019) Феномен прекариата: теоретические и методологические основания исследования // Социологические исследования. № 9. С. 51–63. DOI: 10.31857/S013216250006669-8.
- Фишман Л.Г. (2021) «Пустой знак»: концепт «популизма» в современном политологическом мейнстриме // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. Т. 13. № 2. С. 13–32. DOI: <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-2-13-32>
- Akaliyski P., Welze C., Hien J. (2021) A Community of Shared Values? Dimensions and Dynamics of Cultural Integration in the European Union // Journal of European Integration. DOI: 10.1080/07036337.2021.1956915.
- Bene M. (2020). Does Context Matter? A Cross-Country Investigation of the Effects of the Media Context on External and Internal Political Efficacy // International Journal of Comparative Sociology. No. 61(4). P. 264–286.
- Bobba G., Hubé N. (2021) Populism and the Politicization of the COVID-19 Crisis in Europe. L.: Palgrave Macmillan. 144 P.
- Bubbico R. L., Freytag L. (2018) Inequality in Europe. Luxembourg: European Investment Bank. 50 P.
- Cicchi L., Genschel Ph., Hemerijck A., Nasr M. (2020) EU solidarity in Times of Covid-19. Policy Briefs. 2020/34. European Governance and Politics Programme (<http://europeangovernanceandpolitics.eui.eu/wp-content/uploads/sites/4/2020/09/EU-solidarity-in-times-Covid-19.pdf>).

- Elff M. (2007) Social Structure and Electoral Behavior in Comparative Perspective: the Decline of Social Cleavages in Western Europe Revisited // *Perspectives on Politics*. Vol. 5. Issue 2. P. 277–94.
- Evans G., De Graaf ND. (2013) Political Choice Matters: Explaining the Strength of Class and Religious Cleavages in Cross-National Perspective. Oxford: Oxford University Press. 416 P.
- Ford R., Jennings W. (2020) The Changing Cleavage Politics of Western Europe // *Annual Review of Political Science*. Vol. 23. P. 295–314.
- Guilluy C. (2020a) *Le temps des gens ordinaires*. Paris: Flammarion. 218 P.
- Guilluy C. (2020b) *No Society. La fin de la classe moyenne occidentale*. Paris: Flammarion. 242 P.
- Heath O. (2015) Policy Representation, Social Representation and Class Voting in Britain // *British Journal of Political Science*. Vol. 45. Issue 1. P. 173–93.
- Hylmö A., Wennerhag M. (2012). Does Class Matter in Protests? Social Class, Attitudes Towards Inequality, and Political Trust in European Demonstrations in a Time of Economic Crisis. 2012 SISP Conference. (https://www.researchgate.net/publication/260619114_Does_class_matter_in_protests_Social_class_attitudes_towards_inequality_and_political_trust_in_European_demonstrations_in_a_time_of_economic_crisis).
- Inglehart R., Norris P. (2019) *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. Cambridge: Cambridge University Press. 564 P.
- Ivaldi G. (2018). Populisme et choix électoral: Analyse des effets des attitudes populistes sur l'orientation du vote. *Revue française de science politique*. No. 68. P. 847–872.
- Jennings W., Stoker G. (2016) The Bifurcation of Politics: Two Englands // *The Political Quarterly*. No. 87. P. 372–382.
- Katz P., Mair P. (1995) Changing Models of Party Organization and Party Democracy: The Emergence of Cartel Party // *Party Politics*. Vol. 1. N 1. P. 5–28.
- Kenny M., Luca D. (2021) The Urban-Rural Polarisation of Political Disenchantment: An Investigation of Social and Political Attitudes in 30 European countries // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. Volume 14, Issue 3. P. 565–582.
- Kriesi H., Maag, S. (2016). Politicisation, Conflicts and the Structuring of the EU Political Space // In: S. Hutter, E. Grande, & H. Kriesi (Eds.). *Politicising Europe: Integration and Mass Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, P. 207–239.
- Knutsen O. (2006) *Class Voting in Western Europe: A Comparative Longitudinal Study*. Lanham: Lexington Books.
- Leiulfstrud H., Bison I., Jensberg H. (2005) Social Class in Europe. European Social Survey 2002/3. Norwegian University of Technology and Science, Norway and Department of Sociology and Social Research University of Trento, Italy. NTNU Samfunnsforskning/NTNU Social Research Ltd. (http://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/ESS1_social_class.pdf).
- Lind M. (2020) The New Class War. Saving Democracy from Managerial Elite. *Portfolio*. P. 224.
- Przeworski A. (1985) *Capitalism and Social Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press. 280 P.
- Scala D. J., Johnson K. M. (2017) Political Polarization Along the Rural-Urban Continuum? The Geography of the Presidential Vote, 2000–2016 // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. No. 672. P. 162–184.
- Standing G. (2019) A New Class For a New Age: the Dawn of the “Precariat” // *Friends of Europe*. 17.09.2019. (<https://www.friendsofeurope.org/insights/a-new-class-for-a-new-age-the-dawn-of-the-precariat>).
- Wright E. (1980). Varieties of Marxist Conceptions of Class Structure // *Politics & Society*. No 9. P. 323–370.

REFERENCES

- Akaliyski P., Welze C., Hien J. (2021) A Community of Shared Values? Dimensions and Dynamics of Cultural Integration in the European Union. *Journal of European Integration*. DOI: 10.1080/07036337.2021.1956915.
- Bene, M. (2020). Does Context Matter? A Cross-Country Investigation of the Effects of the Media Context on External and Internal Political Efficacy. *International Journal of Comparative Sociology*. no. 61(4), pp. 264–286.

- Bobba G., Hubé N. (2021) *Populism and the Politicization of the COVID-19 Crisis in Europe*. London: Palgrave Macmillan. 144 p.
- Bubbico R. L., Freytag L. (2018) *Inequality in Europe*. Luxembourg: European Investment Bank. 50 p.
- Cicchì L., Genschel Ph., Hemerijck A., Nasr M. (2020) EU Solidarity in Times of Covid-19. Policy Briefs. 2020/34. European Governance and Politics Programme (<http://europeangovernanceandpolitics.eui.eu/wp-content/uploads/sites/4/2020/09/EU-solidarity-in-times-Covid-19.pdf>).
- Bisson L. (2019) Dvizhenie «zhjoltyh zhiletov»: znachenie dlja Francii [The Movement of “Yellow Vests”: The Meaning for France]. *Analiticheskie zapiski IE RAN*. no. 10 (161). URL: (<https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2019/an161.pdf>).
- Borko J.A. (1975) *Zapadnaja Evropa: social'nye posledstviya kapitalisticheskoy integracii* [Western Europe: the Social Consequences of the capitalist Integration]. Moscow: Nauka. 302 p.
- Borko J.A. (1984) *Jekonomicheskaja integracija i social'noerazvitie v uslovijah kapitalizma* [Economic Integration and Social Development in the Conditions of Capitalism]. Moscow: Nauka. 256 p.
- Butorina O.V. (2012) Prichiny i posledstviya krizisa v zone evro [The Reasons and Consequences of the Crisis in the Euro Zone]. *Voprosy ekonomiki*, no. 12, pp. 98–115.
- Elff M. (2007) Social Structure and Electoral Behavior in Comparative Perspective: the Decline of Social Cleavages in Western Europe Revisited. *Perspectives on Politics*. vol. 5, issue 2, pp. 277–94
- Evans G., de Graaf N.D. (2013) *Political Choice Matters: Explaining the Strength of Class and Religious Cleavages in Cross-National Perspective*. Oxford: Oxford University Press. 416 p.
- Fishman L.G. (2021) “Pustojznak”: koncept “populizma” v sovremennom politologicheskom mejnstrime [“Empty Sign”: the Concept of “Populism” in the Contemporary Political Mainstream]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seria 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaja politika. vol. 13, no. 2. pp. 13–32. DOI: <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-2-13-32>.
- Ford R., Jennings W. (2020) The Changing Cleavage Politics of Western Europe. *Annual Review of Political Science*. vol. 23, pp. 295–314.
- Guilluy C. (2020a) *Le temps des gens ordinaires*. Paris: Flammarion. 218 p.
- Guilluy C. (2020b) *No Society. La fin de la classe moyenne occidentale*. Paris: Flammarion. 242 p.
- Heath O. (2015) Policy Representation, Social Representation and Class Voting in Britain. *British Journal of Political Science*. vol. 45, issue 1, pp. 173–93.
- Hylmø A., Wennerhag M. (2012). *Does Class Matter in Protests? Social Class, Attitudes Towards Inequality, and Political Trust in European Demonstrations in a Time of Economic Crisis*. 2012 SISP Conference. (https://www.researchgate.net/publication/260619114_Does_class_matter_in_protests_Social_class_attitudes_towards_inequality_and_political_trust_in_European_demonstrations_in_a_time_of_economic_crisis).
- Inglehart R., Norris P. (2019) *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. Cambridge: Cambridge University Press. 564 p.
- Ivaldi G. (2018). Populisme et choix électoral: Analyse des effets des attitudes populistes sur l'orientation du vote. *Revue française de science politique*. no. 68, pp. 847–872.
- Jennings W., Stoker G. (2016) The Bifurcation of Politics: Two Englands. *The Political Quarterly*. no. 87, pp. 372–382.
- Kaveshnikov N.J. (2020) Integraciya i dezintegraciya v Evropejskom sojuz: scenari razvitiya. Krizisi post-krizisi: ljudi, instituty, praktiki [Integration and Disintegration in the EU: Scenarios of the Development]. *Sbornik statej Mezhdisciplinarnoj nauchnoj onlajn-konferencii, Tyumen', 19–22 iunja 2020 goda*. Tyumen': Tyumenskij gosudarstvennyy universitet. pp. 40–46.
- Katz P., Mair P. (1995) Changing Models of Party Organization and Party Democracy: The Emergence of Cartel Party. *Party Politics*. vol. 1, no. 1, pp. 5–28.
- Kenny M., Luca D. (2021) The Urban-Rural Polarisation of Political Disenchantment: An Investigation of Social and Political Attitudes in 30 European countries. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. Volume 14, Issue 3. P. 565–582.
- Kriesi H., Maag, S. (2016). Politicisation, Conflicts and the Structuring of the EU Political Space. In: S. Hutter, E. Grande, & H. Kriesi (Eds.). *Politicising Europe: Integration and Mass Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 207–239.
- Kapitonova N.K., Magadeev I.J., Pechatnov V.O., etc. (2020) *Pravyy populizm: global'nyj trend iregional'nye osobennosti* [Right Populism: global trend and regional features]. Ed(s): L.S. Okuneva, A.I. Tjevdoy-Burmuli. M.: MGIMO-Universitet. 404 p.

- Kondrat'eva N.B. (2020) Edinyj vnutrennij rynek: reakcija na COVID-19 [The United Domestic Market: Reaction to COVID-19]. *Evropejskij Sojuz: fakty i kommentarii*. no. 100, pp. 35–37.
- Knutsen O. (2006) *Class Voting in Western Europe: A Comparative Longitudinal Study*. Lanham: Lexington Books.
- Lipset S., Rokkan S. (2004) Struktury razmezhevanij, partijnye sistemy i predpochtenija izbiratelej. Predvaritel'nye zamechanija [The Structures of the Divisions, Party Systems and the Preferences of the Voters. Preliminary Remarks]. *Politicheskaya nauka*. no. 4, pp. 204–234.
- Lunkin R., Filatov S. (2019) Bor'ba "za" i "protiv" identichnosti vo vnutripoliticheskikh processah [Fight "For" and "Against" Identity in Inner Political Processes: a Conflict between "New Liberals" and Traditionalists]. *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. vol. 63, no. 9, pp. 50–60. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-50-60>.
- Leiflufsrud H., Bison I., Jensberg H. (2005) Social Class in Europe. European Social Survey 2002/3. Norwegian University of Technology and Science, Norway and Department of Sociology and Social Research University of Trento, Italy. NTNU Samfunnsforskning/NTNU Social Research Ltd (http://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/ESS1_social_class.pdf).
- Lind M. (2020) *The New Class War. Saving Democracy from Managerial Elite*. Portfolio. 224 p.
- Milanovich B. (2017) *Global'noe neravenstvo. Novyj podhod dlja jepohi globalizacii* [The Global Inequality. New Approach for the Globalization Epoch]. Per. s angl. D. Shestakova. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara. 336 p.
- Oskolkov P.V. (2019) *Pravyy populizm v Evropejskomsojuze* [The right populism in the EU]. Moscow: Institute Evropy RAN. 164 p.
- Pantin V.I. (2019) Politicheskie razmezhevanija i raskoly v sovremennyh obshhestvakh [Political Delimitations and Splits in the Contemporary Societies]. *Yuzhno-Rossijskij zhurnal social'nyh nauk*. vol. 20, no. 3, pp. 28–40.
- Parhalina T.G., Andreeva T.N., etc. (2018). Politicheskie partii pered novymi vyzovami: opyt Zapadnoj Evropy i Rossii: metodicheskij seminar centra nauchno-informacionnyh issledovanij global'nyh i regional'nyh problem INION RAN [Political Parties in the Front of the New Challenges: The Experience of the Western Europe and Russia]. *Aktual'nye problemy Evropy*. no. (4), pp. 235–268.
- Prohorenko I.L. (2021) Fenomen levogo populizma v Ispanii [Phenomenon of the Left Populism in Spain]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika. vol. 13, no. 2, pp. 62–86. DOI: <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-2-62-86>.
- Przeworski A. (1985) *Capitalism and Social Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press. 280 p.
- Toshhenko Zh.T. (2019) Fenomen prekariata: teoreticheskie i metodologicheskie osnovanija issledovanija [Phenomenon of the Precariat: Theoretical and Methodological Basics of the Research]. *Sociologicheskie issledovanija*. no. 9, pp. 51–63. DOI: 10.31857/S013216250006669-8.
- Scala D. J., Johnson K. M. (2017) Political Polarization Along the Rural-Urban Continuum? The Geography of the Presidential Vote, 2000–2016. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. no. 672, pp. 162–184.
- Stjending G. (2014) *Prekariat: novyj opasnyj klass* [Precariat: New Dangerous Class]. Moscow: Ad Marginem Press.
- Standing G. (2019) A New Class For a New Age: the Dawn of the "Precariat". *Friends of Europe*. 17.09.2019. (<https://www.friendsofeurope.org/insights/a-new-class-for-a-new-age-the-dawn-of-the-precariat>).
- Wright E. (1980). Varieties of Marxist Conceptions of Class Structure. *Politics & Society*. no. 9, pp. 323–370.

Информация об авторе

Биссон Любовь Сергеевна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела исследований европейской интеграции, Институт Европы РАН. Адрес: 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3. Email: lyubov.pasyakina@gmail.com

Лункин Роман Николаевич, доктор политических наук, кандидат философских наук, заместитель директора Института Европы РАН, руководитель Центра по изучению проблем религии и общества ИЕ РАН, главный редактор журнала «Современная Европа». Адрес: 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3. E-mail: romanlunkin@gmail.com

About the authors

Liubov S. Bisson, Candidate of Sciences (Political science), Senior Research Fellow, Department for European Integration Studies, Institute of Europe RAS. Address: 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. E-mail: lyubov.pasyakina@gmail.com

Roman N. Lunkin, Doctor of Sciences (Political science), Senior Research Fellow, Head of the Center for Religions and Society Studies, Institute of Europe RAS, Editor-in-chief, «Contemporary Europe». Address: 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. E-mail: romanlunkin@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 28.09.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 15.11.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 22.11.2021